

А. ЧЕРНЫЙ

Подорожник

Вдоль русских проселков, купаясь в придорожной пыли, растет крепкая, всевыносящая многолетняя трава подорожник. Широкие, лапчатые листья измазаны дегтем, упругий стебель, придавленный к земле выскочившим из колеи слепым колесом, снова и снова подымает навстречу ветру и солнцу свой мохнатый, светло-лиловый колос и живет и дышит...

Именем этой травы назвала, так давно волнующее каждое звериное сердце, поэтесса Анна Ахматова свою новую книжку*. Весь томик, умещающийся на мужской ладони, — это связка горьких, напоенных неугасимой женской мукой стихов все о том же:

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

Еще острее:

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

---

* Подорожник. Пг., издание «Petropolis». 1921.

Если надо — меня убей,
 Но не будь со мною суров.
 От меня не хочешь детей,
 И не любишь моих стихов.
 Все по-твоему будет: пусть!
 Обету верна своему,
 Отдала тебе жизнь, но грусть
 Я в могилу с собою возьму.

И еще обнаженнее:

От любви твоей загадочной,
 Как от боли, в крик кричу,
 Стала желтой и припадочной,
 Еле ноги волочу.

Новых песен не насвистывай,
 Песней долго ль обмануть,
 Но когти, когти неистовой
 Мне чахоточную грудь,

Чтобы кровь из горла хлынула
 Поскорее на постель,
 Чтобы смерть из сердца вынула
 Навсегда проклятый хмель.

Как и в первых книгах Ахматовой, перед нами все тот же дневник женской души и обнаженный до конца... Но дневник поэта открыт для всех: в искусстве последнее освобождение и преодоление себя, — таков его вечный закон, равно объемлющий и горькую лирику Гейне, и прекрасную музу Ахматовой. Кто бы вы ни были, прочтите вот эту светлую страницу, ровно написанную рукой современной Татьяны, — разве, всплывая над сегодняшним, не укачают вас эти строки, не сделают хоть на миг просветленнее и богаче?..

Покинув рощи родины священной
 И дом, где муза, плача, изнывала,
 Я тихая, веселая, жила
 На низком острове, который, словно плот,
 Остановился в пышной Невской дельте.
 О, зимние таинственные дни
 И милый труд, и легкая усталость,
 И розы в умывальном кувшине!
 Был переулочек снежным и недлинным,
 И против двери к нам стеной алтарной
 Воздвигнут храм Святой Екатерины.
 Как рано я из дома выходила,
 И часто по нетронутому снегу

Свои следы вчерашние напрасно
 На бледной, чистой пелене ища,
 И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
 Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
 О сером взморье до весны тоскуют,
 Я подходила к старому мосту.

Там комната, похожая на клетку,
 Под самой крышей в грузном, шумном доме,
 Где он, как чиж, свистел перед мольбертом
 И жаловался весело, то грустно
 О радости не бывшей говорил.
 Как в зеркало, глядела я тревожно
 На серый холст, и с каждою неделей
 Все горше и страннее было сходство
 Мое с моим изображеньем новым.
 Теперь не знаю, где художник милый,
 С которым я из голубой мансарды
 Через окно на крышу выходила,
 Чтоб видеть снег, Неву и облака,
 Но чувствую, что Музы наши дружны
 Беспечной и пленительною дружбой,
 Как девушки, не знавшие любви.

И неожиданно, теплым розовым огнем расцветает среди надломленных болью песен крохотное стихотворение о ребенке:

Мурка, не ходи — там сыч
 На подушке вышит,
 Мурка серый, не мурлычь,
 Дедушка услышит.
 Няня, не горит свеча,
 И скребутся мыши.
 Я боюсь того сыча,
 Для чего он вышит?

На русском Парнасе уже давно творится неладное. «Язык богов» — прозрачный и мудрый — надолго и прочно оболванен самовлюбленной фиксатуарной слизью «поэз», звериным рыком маяковщины, полированной под палисандр, но дряблой внутри, как осина, брусовщиной, мутно-кустарными откровениями новых скифов с Мало-Подъяческой (так хорошо изучившими словарь Даля) и бессчетным числом плетущихся в хвосте «имажинистов» или как там они еще себя кличут, — вяло и убого симулирующих эпилепсию своих более одаренных старших братьев.

Тем дороже сейчас эта, написанная только для себя, книжечка, увидевшая свет в Петербурге в безумные дни 1921 года.

Пленителен и честен в каждом слове этих стихов русский язык (все, что у нас осталось), пленителен и дорог образ самого поэта — русской женщины, души которой не коснулась ни одна капля грязи воюющей, кишащей покрашенными музами-проститутками улицы.

